

Неизвестный художник
Гостиная в восточном стиле
1-я пол. XIX века

Кругосветное путешествие артистки императорских театров

Начиная, как водится, на закате жизни мемуары, Дарья Михайловна Леонова запишет следующие первые строки: «Желание мое описать мою жизнь возникло, во-первых, из деятельности моей, как артистки, которой случалось сталкиваться со множеством людей разных общественных положений, во-вторых, как женщины, побывавшей во многих странах и объехавшей кругом света; наконец, история жизни моей, сама по себе, представляет — льщу себя надеждой — интерес для русских людей, как по моему происхождению, так и по тем путям, которыми суждено мне было достичь настоящего моего блестящего положения».

По своему происхождению Д. М. Леонова была из беднейших слоев русского общества. Ее отец был родом из крепостных крестьян, но получил личную свободу, сбежав на войну с французами и вернувшись в Россию с офицерским чином. Однако средств для существования у него не было. Полюбившаяся ему петербургская девушка происходила из бедной семьи столичного чиновника. Молодая семья уезжает в провинцию, колесит по Тверской губернии в поисках работы и пристанища. В Вышнем Волочке в 1835 году у них родилась дочь Даша. Когда девочка исполнилось семь лет, родители переезжают в Петербург.

Живут по-прежнему бедно, но однажды в праздник семья выбралась в театр. Оказалось, что у Даши превосходный музыкальный слух: она запомнила все куплеты водевиля

«Вдруг в голове моей
блеснула новая и смелая мысль.
Задумала я думушку,
которая не давала мне покою
ни днем, ни ночью, а именно:
дай-ка возьму да объеду
кругом света».

и распевала их целыми днями. Случайно услышала ее голос дальняя родственница и настояла, чтобы девочке купили хотя бы самое дешевое фортепиано и отвели бы на прослушивание в училище. Фортепиано куплено, Даша переступила порог училища. Девочка произвела хорошее впечатление и была зачислена вольноприходящей ученицей Петербургского театрального училища. Здесь учили драматическому и балетному мастерству, игре на музыкальных инструментах, — пению. В 1849—1851 годах Дарья Леонова посещает занятия. Судьба, однако, могла совершить столь крутой поворот, что Россия никогда не узнала бы о ее таланте.

Пятнадцатилетней девушке сделал предложение молодой человек из богатой и знатной семьи. Полюбила его и Даша. Однако жених поставил условие — оставить училище. После душевной борьбы она это сделала. Но свадьба все откладывается, и, наконец, жених исчезает. Из наспех составленной записки Даша узнает, что родители, не сумев отговорить сына отказаться от девушки из бедного семейства, насильно увезли его из Петербурга. Она была в отчаянии: прошло несколько месяцев, жених не подавал никаких известий, и Даша, преодолев стыд, решила вернуться к занятиям в училище. Догоняя сверстниц, в необыкновенном рвении она настолько опередила всех, что, когда встал вопрос о подмене артистки Александринского театра в роли Катерины в водевиле «Катерина — золотой крестик», выбор пал на Дарью Леонову. В 1851 году она впервые вышла на сцену. Ее прекрасный голос — контраalto — был замечен. Дарью Михайловну Леонову зачисляют в труппу артисткой императорских театров, назначают жалованье: вначале она поет в драматических спектаклях, исполняя «роли с пением», а вскоре дебютирует на оперной сцене.

О Дарье Михайловне Леоновой, одной из выдающихся представительниц русской вокальной школы середины XIX века, увы, монографии не написаны. Но если перелистать многотомные сочинения, посвященные жизненному и творческому пути М. И. Глинки, А. Н. Серова, А. С. Даргомыжского,

Н. А. Римского-Корсакова, Ц. А. Кюи и особенно М. П. Мусоргского, то имя Д. М. Леоновой не раз встретится на их страницах; ее связывали с этими выдающимися русскими композиторами и совместная творческая деятельность, и личные дружеские отношения.

Карьера Д. М. Леоновой как оперной певицы была впечатляющей! Семнадцатилетней девушкой в 1852 году вышла она на подмостки Мариинского театра в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя». Она пела партию Вани, ее слушал сам композитор и, восхищенный голосом, предложил давать уроки. Дарья Михайловна, бывая в доме М. И. Глинки, часто пела ему. Романс «Ах, не мне бедному» вызывал слезы у композитора. Ей, Дарье Михайловне, он посвятил лучший свой романс «Молитва». Свою сценическую деятельность она закончила в 1874 году исполнением партии хозяйки корчмы в премьерном спектакле М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Позднее Ц. А. Кюи напишет, что с уходом из жизни Д. М. Леоновой русская музыка осиротела, ибо в ее лице потеряла своего лучшего исполнителя и интерпретатора, особенно ощутима ее потеря для музыки М. П. Мусоргского.

С Модестом Петровичем Мусоргским у певицы сложились особые отношения. С трудничеством их перешло в тесную дружбу, дружба — в привязанность и любовь. Модест Петрович, работавший

в конце жизни над оперой «Хованщина», каждый вечер приносил и проигрывал новые страницы Дарье Михайловне. Они вместе выступали в концертах, выдающийся композитор сопровождал певицу. Весной 1879 года с триумфом прошло их концертное турне по южным городам России. Эти полгода стали счастливейшими в небогатой радости жизни Модеста Петровича. По возвращении в Петербург он легко и быстро сочиняет свою знаменитую «Блоху», посвящая ее Дарье Михайловне. Однако депрессия, которую пережил композитор накануне поездки и которая была вызвана непризнанием таланта, одиночеством, бедностью, граничащей с нищетой, вспыхнула с новой силой. Дом Дарьи Михайловны стал последним пристанищем композитора. Из этого дома его в критическом состоянии перевезли в госпиталь, где он и скончался.

У М. П. Мусоргского есть такие строчки, адресованные артистке: «Честь и хвала ей, гордо держит знамя русского искусства». Д. М. Леонова начала сценическую деятельность в тот период, когда формировалась национальная оперная школа и шла борьба за ее утверждение на сцене театров России, где прочно утвердилась итальянская музыка. Дарья Михайловна стала соратницей выдающихся русских композиторов. Дарья Михайловна могла гордиться тем, что ей выпала честь стать первой исполнительницей многих партий, созданных классиками русской оперы. В 1855 году в премьерном спектакле «Русалка» А. С. Даргомыжского она поет Княгиню, в 1865 году в опере «Рогнеда» А. Н. Серова — Скульду (позднее композитор переделывает главную партию Рогнеды для ее голоса), в 1871 году в опере «Вражья сила» А. Н. Серова — Спиридонову, в 1868 году в опере «Вильям Ратклиф» Ц. А. Кюи — Маргарету, в 1872 году в опере «Пскови-

тянка» Н. А. Римского-Корсакова — Власьевну...

13 апреля 1874 года состоялся прощальный бенефис артистки императорских театров. Позади 22 года сценической деятельности, 32 партии в русских и иностранных операх, сотни концертов, успешные гастрольные поездки в 1858 году в Вильну, Варшаву, Вену, Париж. Уход ее со сцены был преждевременным и вынужденным. Закулисные интриги, придирки администрации толкнули ее к этому шагу. В расцвете жизненных и творческих сил — артистке не исполнилось и сорока лет — она осталась не у дел. Любимец хозяйки, волнистый попугайчик твердил десятку раз на дню единственную выученную фразу: «Дашенька, спой романс». Но не пелось Дарье Михайловне. «Я настолько чувствовала себя оскорбленной и столько сознала в себе силы для сценических подмостков», — сокрушалась она. И вот тогда-то ее кипучая энергия нашла новый выход. «Вдруг в голове моей блеснула новая и смелая мысль, — пишет в мемуарах певица. — Задумала я думушку, которая не давала мне покою ни днем ни ночью, а именно: дай-ка возьму да объеду кругом света»...

Многие из нас хорошо помнят о российском кругосветном путешествии на кораблях «Нева» и «Надежда» под руко-

водством И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Кое-кто не забыл о другом морском путешествии россиян: на шлюпе «Предприятие» во главе с О. Е. Коцебу. О кругосветном путешествии, совершенном частью по суше, частью по воде, российской оперной певицей почти никто не осведомлен, а исторические сочинения о нем, увы, умалчивают.

Как не преклониться перед этой русской женщиной, задумавшей и благополучно свершившей этот необыкновенный вояж ради славы русского музыкального искусства. Ведь она задумала не просто путешествовать и посмотреть диковинки, она задумала познакомиться отдаленные окраины России и всего мира с русским искусством. Никто не субсидирует ее предприятие. В кошельке ее было всего 400 рублей, когда она тронулась в путь; никто не сопровождает ее. Аккомпаниатор, с которым условились встретиться в Перми, прислал телеграмму, честно сознаваясь, что, опасаясь за жизнь, отказывается от поездки. Впрочем, сопровождающий у нее был — маленький кролик, любимец артистки, с которым она не расставалась. Скажем сразу, что после Японии к кролику присоединятся две маленькие собачки, которых Дарья Михайловна благополучно доведет до Петербурга и которые останутся с нею неразлучны до последних ее дней.

Собираясь в дальнюю дорогу, она слышала вокруг только недоуменные вопросы: зачем ей, прославленной артистке, ехать в глухомань, где нет ни дорог, ни театров, где жизнь, как виделось некоторым снобам из Петербурга, находится в первобытном состоянии, если покойно и комфортно можно съездить в Европу, где ее слышали, где ее голосом восхищались. Но неугомной, чудной женщине требовались поступки и дела, соразмерные ее духу.

«С каждым днем эта мысль крепла у меня, поддерживаемая уверенностью в себе и

сознанием, что я в силах привести ее в исполнение. Обдумывая, конечно, все и взвешивая, я ставила судьбу свою и даже, может быть, жизнь на карту. Нужно было все предусмотреть при составлении плана путешествия. Я остановилась на следующем: проехав через всю Сибирь к устью Амура, побывать во Владивостоке и затем проехать через Китай, Японию и Америку. Я должна была приготовиться ко всему, даже к гибели. Если бы я не обдумала этого вопроса глубоко со всех сторон, вероятно, я не решилась бы на такое длинное и опасное путешествие; но я пришла к тому заключению, что если вернусь благополучно, то это будет как бы возвращение с победой с страшного поля сражения, если же погибну, то, значит, так судьба велит. И я твердо решилась ехать», — писала она в мемуарах.

13 апреля 1874 года Петербург, а через несколько дней Москва проводили ее пышно и трогательно со сцены. В середине июня того же 1874 года просто и скромно без громких речей и тостов, без толпы поклонников Дарья Михайловна приехала на Николаевский вокзал.

Концертное кругосветное турне оперной певицы началось в Перми. Но аккомпаниатор, как уже сказано, не приехал вслед за ней. «Ехать без пианиста? — рассуждает Дарья Михайловна. — Я подумала, что если до сих пор везде находили музыкантов, которые мне аккомпанировали, то, вероятно, и в других местах найду их». И артистка не обманулась в своих ожиданиях: не говоря уже о таких крупных городах, как Екатеринбург и Иркутск, но даже в таких «медвежьих углах», как Кяхта, что на границе с Монголией, даже в крохотных Чите, Благовещенске и Николаевске, в неведомой многим Кушве она находила себе аккомпаниаторов. А проехав всю Сибирь, на самой окраине Российского государства, в Нерчинске — «столице» каторжного края, она нашла не только пианиста, но целый оркестр, более того, с удивлением обнаружила здесь и музыкальную школу, филармонию и отделение Русского музыкального общества. Прекрасно проходят первые девять концертов в Перми, с громадным успехом идут семнадцать концертов в Екатеринбурге. Здесь выясняется, что любители разучивают опе-

це» каторжного края, она нашла не только пианиста, но целый оркестр, более того, с удивлением обнаружила здесь и музыкальную школу, филармонию и отделение Русского музыкального общества. Прекрасно проходят первые девять концертов в Перми, с громадным успехом идут семнадцать концертов в Екатеринбурге. Здесь выясняется, что любители разучивают опе-

ру «Трубадур», в которой Леонова исполняла партию Азучены. Было решено поставить ее с Дарьей Михайловной, и, пока готовились декорации и костюмы, артистка съездила в Нижний Тагил и Кушву. Нижний Тагил, резиденция Демидовых, встретил ее радушно. Ей отвели комнаты во дворце владельцев всех здешних рудников и заводов. «Спальня отделана была роскошно во французском стиле, — вспоминала эти дни певица, — чай и завтрак были сервированы на серебре, и у моего прибора красовался букет цветов. После тех мучений, которые терпели в то время проезжающие от Перми до Екатеринбурга по ужасной дороге, попасть в такую обстановку казалось каким-то волшебством».

Леонова дала в Нижнем Тагиле два концерта и снова отправилась в Кушву, отстоящую на двести верст от столицы Урала. Кушва городом значится

А. Е. Мартынов
Вид города Перми
1819

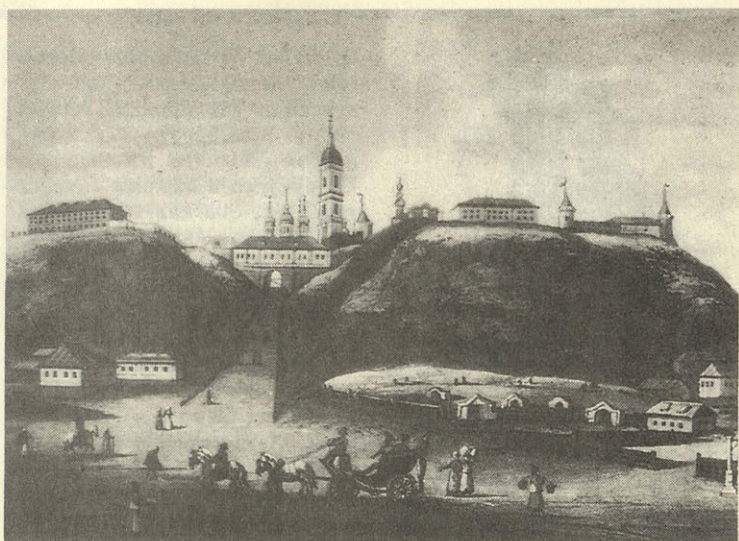

Е. М. Корнеев
Рождественское гулянье
в Охотске
1810—1812

Е. М. Корнеев
Камчадалская
собачья почта
1813

Е. М. Корнеев
Вид части города Тобольска
1810—1812

Е. М. Корнеев
Солеварни в Соликамске
1810—1812

Е. М. Корнеев
Пасхальный стол в Тобольске
1810—1812

с 1926 года, но основана была в 1735-м, когда здесь открыли месторождение и заложили в горе Благодать рудник. Возникший в ту пору металлургический завод действует по сей день. Как запомнился Дарье Михайловне этот скромный поселок, какие трогательные строчки она посвятит ему позднее! «Кушва не более, как простая, хотя и большая деревня,— писала она.— Меня ожидали и отвели мне особенный домик, хотя не роскошный, но все в нем было чисто и хорошо. Здесь также устроили концерт. Конечно, вся интеллигенция Кушвы была в концерте. Кроме того, были в честь меня три вечера. В этом уголке, на окраине европейской России, сделан был мне такой радушный прием, что я никогда не забуду его. Когда я уезжала из Кушвы, мне было необыкновенно грустно: во всяком другом городе, прощаясь, приходило все-таки в голову — почем знать, быть может, и в другой раз еще побываю, но здесь я чувствовала, что прощаюсь навсегда с радужными, добрыми людьми этой далекой, как будто неведомой страны».

Вернувшись в Екатеринбург, Дарья Михайловна с любительской труппой пять раз ставит оперу «Трубадур». И замелькали сибирские города. В Тюмени она дала два концерта. Но начались уже холода; артистка продает тарантас и пересаживается в возок. Вопрос о Транссибирской железной дороге тогда еще обсуждался — первые поезда пошли здесь двадцать лет спустя.

О возке, в котором Дарья Михайловна доехала до Иркутска и где продала, чтобы снова приобрести тарантас, нельзя умолчать. Выезжая из Петербурга и заранее заказав тарантас, она как-то не учла, что Сибирь в два летних месяца не пересечешь. Где же взять возок, да такой особенный, чтобы сберечь в его тепле голос? «Когда судьба начнет покровительствовать человеку, то ему удастся все — так было и в этом случае», — вспоминает артистка. В Тюмени она увидела возок, сделанный специально для выставки, но почему-то еще не отправленный. Восхищению певицы не было предела: в скромной мастерской она увидела настоящее чудо. «Сверху он был обтянут лосиной кожей, окна опущены медведем; двойные отводины сделаны так, что возок не мог опрокинуться; внутри обит синим репсом; ручки, крючки, кнопки из слоновой кости, внутри два фонаря и зеркало, рамы двойные. Одним словом, я нашла всевозможные приспособления для удобства и предохранения от холода, как будто возок был заказан нарочно для меня», — вспоминала она по прошествии многих лет о возке, в котором путешествовала по зимним дорогам.

В чудесном этом возке певица приехала в Омск. Последний, шестой, концерт прошел для нее здесь незабываемо. Не зная, что в городе много ссыльных поляков, она включила в первое отделение мазурку А. Контского. «Они так обрадовались, услышав свой национальный танец мазурку», — запишет потом Д. М. Леонова, — что устроили мне целую овацию. Во втором отделении, — продолжает она, — когда я стала петь из «Жизни за царя», со стороны русских явилось как будто соревнование в выражении восторга, и я должна была повторить всю арию по требованию публики. Не помню, чтоб когда-нибудь еще принимали меня с таким восторгом: зала буквально дрожала от рукоплесканий».

Следующим пунктом был Барнаул, где удалось дать шесть концертов. Далее Дарья Михайловна шаг за шагом прослеживала свой дальнейший путь. «Я приехала в Томск в первый день Рождества, — пишет она. — На концертах восторг публики был неопытным. В одном из них присутствовало несколько человек китайцев, которые по своему отдавали мне честь. Когда мне аплодировали и я кланялась, они вставали с своих мест и также кланялись. Мне пришлось дать в Томске одиннадцать концертов со сценами, частично в театре». В Красноярске Леонова дала шесть концертов со сценами, «так как город Красноярск небольшой».

В Иркутске артистка заболела. У нее начался бронхит,

и четыре месяца она пролежала в постели. И все же в Иркутске она дала шесть концертов, но очень сожалела, что болезнь настигла ее именно там, где был прекрасный театр, который отдавали в ее распоряжение на все пасхальные праздники.

В сильную жару Д. М. Леонова приехала в пограничный с Монголией городок Кяхту. Здесь она дала два концерта в городе и два за городом, куда от зноя перебрались многие жители. И вот уже Чита: «Состоялся концерт, а

на другой день, по просьбе публики, второй, в небольшом театре этого миниатюрного городка».

Позади тысячи верст, окраин российского государства достигла Дарья Михайловна. Везде она встречала радушный прием, а главное, меломанов, готовых слушать ее; ей предоставляли для концертов театры и собрания, устраивали домашние концерты, везде были полные сборы. Гостеприимство сибиряков ошеломляло артистку: нигде ни от кого ни разу она не получила отказа, к ней относились не только доброжелательно, но так, словно она была близкой и родной этим впервые видевшим ее людям. Подарки сибиряков иногда были трогательны до слез. В Омске ей привезли кадку замороженных щей, уже разлитых по тарелкам, чтобы в дороге легче было подогревать. В Красноярске, когда она в доме Кузнецова вышла к обеду, щи уже были налиты, а тарелка обложена кругом соболями, для того, как сказал хозяин, «чтобы щи не остыли». После обеда хозяева просили принять этих соболей в дар. Тронутая заботой артистка пела, не щадя своего голоса, пела так, как когда-то перед изысканной публикой в Мариинском театре. Дарья Михайловна за всю поездку по Сибири испытывала громадную радость от встречи со слушателями, которые вовсе не были малокультурными и малознающими, как пугали ее при отъезде из Петербурга. Но встреча с Нерчинском ее совершенно потрясла. «В Нерчинске существовало отделение Музыкального общества под покровительством известного Бутина, любителя искусств и литературы. Он же предложил мне по приезде моем в Нерчинск помещение у себя. Признаюсь, что когда я вошла в квартиру, назначенную мне, то испытала ощущение, которое уже давно не приходилось испытывать. Мне отданы были две роскошные меблированные комнаты с балконом в сад, который мог

бы сравниться только с самыми замечательными садами Европы. Весь в цветах, растения теплого климата, даже тропические, как, например, лавр, потом кедры, лиственницы; словом, собрание европейских и азиатских растений. Здесь я оставалась две недели и дала четыре концерта. В маленькой консерватории Бутина оркестр был настолько хорош, что мог мне аккомпанировать всю сцену из «Жизни за царя», также из «Рогнеды» и «Пророка». Нельзя передать всего восторга, который пришелся на мою долю в Нерчинске, потому что публика услышала пение мое под аккомпанемент оркестра. Впечатление было такое, что мой портрет повесили на вечные времена в залах Музыкального общества, а от оркестра мне был поднесен венок и фотография всего оркестра».

У артистки впереди еще концерты в Благовещенске, Хабаровске, Николаевске, Владивостоке... Проехав от Перми до Тихого океана за полтора года, она дала в общей сложности около ста концертов, в Екатеринбурге пять раз сыграла в опере «Трубадур», в Нерчинске — несколько полных сцен из двух опер. Размышляя в Петербурге о трудности пути и даже возможности смерти, Дарья Михайловна Леонова была недалеко от истины. В Иркутске ее с трудом вывели от тяжелой простуды. В Барнауле она пережила землетрясение. В Барабинской степи в своем роскошном возке она была застигнута выюгой: ямщик ушел за подмогой, а певица со случайным попутчиком простояла всю ночь с револьверами наизготовку, пока не окончилась метель. Перед Нерчинском лошади, взбираясь на самую высокую гору, не выдержали и стали пятиться: ямщик, спасая свою жизнь, спрыгнул, а Дарья Михайловна, схватив вожжи, так истошно закричала («вот тут мой голос пригодился»), что лошади, испугавшись, встали. Под Барнаулом дорога

шла по таким ухабам, «нырочкам» по-местному, что лошади еле выбрались. А впереди были Япония, Китай, Америка. С Японией регулярного сообщения в 1875 году, естественно, не существовало, но именно тогда, когда Д. М. Леонова достигла Владивостока, из города отправлялась военная эскадра, и, с телеграфного разрешения великого князя Константина Николаевича, певицу взяли на борт военного корабля. «Оригинально, что русской певице пришлось плыть к берегам Японии на корвете, носившем название народного певца древних славян — «Боян». Обстановку и военные приемы проводов были торжественны: мне казалось, что мы отправляемся на войну», — запишет она в своих воспоминаниях. Вначале океан был спокойным, рядом с кораблями плыли киты, потом разыгрался шторм, и с большим трудом эскадра достигла портового города Йокогама — Юкагама, как будет называть его артистка. Город привел ее в

восторг чистотой, ухоженностью и обилием зелени. Японцы отнеслись с большим почтением к русской певице, и она прожила здесь около четырех месяцев. Для первого концерта ей выделили здание ратуши. О впечатлении, произведенном на японцев, местная газета написала так: «Впереди залы поставлен ящик о трех ножках. Появляется дама в черном платье, покрытом прозрачной черной тканью. С ней вышел мужчина, в черном фраке, который, открыв ящик о трех ножках, заиграл на нем, и мы услышали тогда впервые звуки, поразившие нас. Наконец, певица эта начинает петь. Она пела, то так тонко, как волос, то вдруг как мужчина... Она пела так, как могла петь богиня пения, которая своим голосом укрощала не только людей, но и зверей. И эта певица пела так, что рыбки на дне моря встрепенулись. Ей так хлопали в ладони, такой был шум в зале, точно тысячи журавлей слетелись и колотили своими носами пол». Это было первое выступление русской оперной певицы в Японии.

Д. М. Леонова дала концерты также в Нагасаки и в Эдо (древнее название Токио). Пение певицы так расположило к ней японцев, что всюду ее не переставали расспрашивать о России и русском искусстве. В свою очередь, художественная культура

японцев произвела на нее сильное впечатление. Она решила приобрести такое количество произведений быта и искусства, чтобы в Петербурге устроить японскую комнату. Старинных, художественно ценных вещей она приобрела так много и в Японии, и в Китае, что действительно устроенная ею японско-китайская комната, своего рода восточный музей, произвела фурор в Петербурге. На субботние платные концерты школы Леоновой, которая была в ее собственном доме, ходили не только слушать будущих певцов, но и смотреть музей.

Из Японии Д. М. Леонова совершила поездку в Китай. По дороге в Шанхай она опять попала в шторм. На концерте в Шанхае к ней подошел русский купец и пригласил съездить вместе с ним в Ханькоу, где жили русские чаоторговцы. И хотя ехать надо было тысячу верст, а стоял декабрь, но певица, не раздумывая, согласилась — расстояние ее уже не пугали. Поездка принесла Дарье Михайловне большое удовлетворение. В Ханькоу оказалась очень большая колония русских, было также много европейцев. И на концертах, она дала их несколько в этом небольшом городке, каждый просил спеть ее либо на его родном языке, либо песню его страны. И Дарья Михайловна пела на русском, итальянском, французском, немецком. Но когда, наконец, она запела на шотландском, то зал разразился громом аплодисментов, а старики шотландцы зарыдали. Среди присутствующих европейцев был только один китаец — самый важный джешней мандарин. В знак высшей похвалы он снял со своего плеча дорогое и богатое верхнее платье, вышитое гербами, и подарил артистке. Когда из здания она вышла на улицу, то увидела, что все кругом запружено китайцами. Они не имели права войти в зал и слушали ее у раскрытых окон. В Ханькоу Дарья Михайловна встретила Новый год и, желая

как-то особенным образом отблагодарить русскую колонию, живущую в глубине Китая и так радушно ее принявшую, она своими руками для праздничного стола приготовила кулебяку.

Вернувшись в Японию, она уже собиралась плыть в Америку, но несчастный случай задержал ее среди японцев еще на две недели. Возвращаясь вечером домой после визитов, неловкий «дженерикс» — носильщик — не сумел затормозить на крутом повороте, и повозка врезалась в скалу. Дарья Михайловна ударилась лбом и потеряла сознание. При этом «дженериксу» оторвало ухо. Однако малое несчастье, как оказалось потом, спасло ее от страшной беды. Корабль, на котором она собиралась плыть дальше, попал в шторм и затонул.

Когда очередным рейсом артистка поплыла в Америку, то беда и их корабль не обошла стороной. Из 19 дней 15 дней их трепал шторм, и только искусство капитана, сумевшего выйти из эпицентра бури, спасло жизнь пассажирам. Четырежды пересекала Тихий океан Дарья Михайловна, четырежды попадала в шторм и потому имела право сделать заключение: «Название «Тихий океан» можно считать ироническим».

В Америке Дарье Михайловне не удалось так блеснуть талантом, как в Сибири, Японии, Китае. Только в Сан-Франциско она дала несколько концертов. Когда пересекла Американский континент по железной дороге, в Нью-Йорке стояло в разгаре лето. Концертный сезон открывался только в октябре, но ждать в бездействии несколько ме-

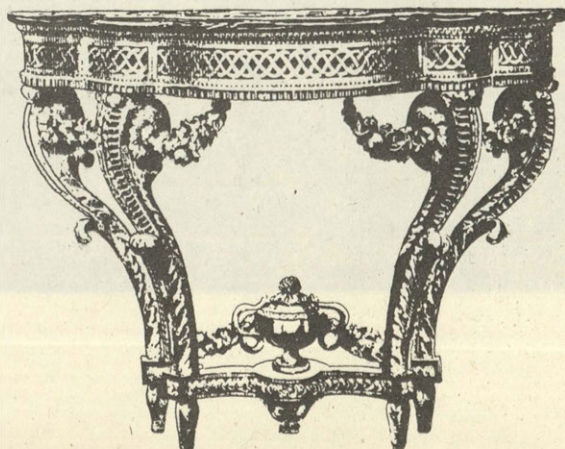
сяцев ей не хотелось. Она рассуждала так: «Как ни хорошо, ни интересно было везде, где я побывала, но именно во время путешествия во всей силе сказалося чувство привязанности к родной стране». Посетив Чикаго, Филадельфию, где проходила тогда Всемирная выставка, актриса переплывает Атлантический океан, посещает Лондон, потом Париж, и вот спустя три года она едет по петербургским улицам в свой дом у Египетского моста... 25 января 1896 года в Петер-

бурге Дарья Михайловна Леонова скончалась. Известный композитор и музыкальный критик Ц. А. Кюи в некрологе, посвященном ее памяти, писал, что она «талантливый самородок, которым так богата российская земля», что она «сделала много для становления русской национальной оперной школы, создала на сцене яркие и оригинальные типы, была тонкой исполнительницей русских романсов, воспитала многих талантливых певцов». Но кроме того, продолжал Кюи, яркий

творческий и жизненный путь Дарьи Михайловны украшает грандиозное предприятие — кругосветное путешествие, затеянное и блестяще осуществленное во имя искусства. Несокрушимая энергия дала ей силы на этот беспрецедентный поступок, достойный не только высокого звания артиста, но и человека. Вот что скрывается в современных справочниках за куцей фразой о Дарье Леоновой — «оставив оперную сцену, концертировала в России и за границей».

В оформлении альманаха использованы иллюстрации из книг: Козлинский В. И., Фрезе Э. П. Художник и театр (М., 1975), Галерея русских писателей (М. 1901), а также репродукции живописных работ художника Николая Смирнова, фотоработы Александра Миловского, фотографии из архивов А. Быкова, М. Золотарева, А. Горячева, В. Титова

и восточный костюм по ка-
лужской дороге, в Нью-Йорке
стояла в разгаре зноя. Кон-
кретный сезон окончился
только в октябре, но идти
в Вашингтон пришлось меч.

WOMAN WITH HARVESTED GRAIN
IN THE MOUNTAINS OF SWITZERLAND
1908